

бота профессионалов. И задавала сегодня вопрос о справедливости суда присяжных, а присутствующие как-то все больше сводили справедливость суда присяжных к менталитету самих присяжных. Я же в ответе на этот вопрос основной упор делала бы, в первую очередь, на менталитет председательствующего, ну конечно, и сторон тоже, но председательствующий — настаиваю на этом — это 90% процесса. Я в этом убеждена. Уж если говорить о менталитете, то справедливость суда присяжных напрямую зависит от менталитета, от правопонимания председательствующего. Это мой контртезис тем, кто все сваливает на присяжных.

В немалой степени для понимания и оценки нашей ситуации с судом присяжных имеет значение мировоззрение, те правовые ценности, которые ставятся во главу угла. Когда мы говорим об оправдательных приговорах, стоит вспомнить известную древнюю дилемму: что лучше — отпустить 10 виновных или осудить одного невиновного? В силу того, что правосудие — все-таки не божье, а человеческое учреждение, и судьи не всеведущи, думаю, приходится взвешивать не только доказательства, но и ценности, которыми мы руководствуемся. Каждый судья, да и прокурор, решает для себя эту ценностную задачу — осознанно или неосознанно. И это внутреннее основание, ответ на вопрос «чему мы служим?» является в конечном счете причиной принятия тех или иных конкретных решений и общего отношения к суду присяжных, все еще чуждому советскому юридическому сознанию.

Я, конечно, не собираюсь поучать присутствующих, прекрасно понимая, что сегодня профессионалу, имеющему за спиной советскую правовую школу, — судье, прокурору, адвокату — действительно очень трудно в состязательном процессе. И с этой точки зрения, мне кажется, имеет смысл собираться в профессиональном кругу и обсуждать себя, свои затруднения, свои ошибки, какие-то непонимания. Задавать друг другу вопросы, уточнять позиции. Прежде (1994-1996 гг.) по инициативе С.А. Пашина выпускалась «Летопись суда присяжных», которая служила для демонстрации образцов судебных решений, своего рода плацдармом для обмена новым опытом. Сейчас, видимо, надо искать какие-то другие формы. Мне кажется, что надобность в этом не отпала.

Часть 2.

Эксперты. Диалоги

С.А.Насонов (к.ю.н., преподаватель кафедры уголовного процесса Московской государственной юридической академии, адвокат МГКА): Уважаемые коллеги! В предыдущих выступлениях много говорилось о справедливости суда присяжных, о факторах, которые определяют вы-

несение присяжными как справедливых, так и несправедливых вердиктов. Представляется, что справедливость суда присяжных (как и само понятие справедливости) следует рассматривать в двух аспектах: распределительном (относительно результата разбирательства) и процедурном (относительно самого хода, правил разбирательства)¹³.

Критики суда присяжных, указывая на несправедливость этой формы судопроизводства, чаще всего имеют ввиду первый, распределительный аспект, т.е. несправедливое (ошибочное) разрешение дела присяжными заседателями. И критикуя суд присяжных с этой точки зрения, эти авторы практически всегда указывают именно на «несправедливые» оправдательные вердикты, а не обвинительные, что само по себе примечательно. С этим мы столкнулись и в сегодняшнем разговоре.

На мой взгляд, о несправедливости *обвинительного* вердикта присяжных можно говорить только в том случае, когда, в соответствии с ч. 3 ст. 459 УПК РСФСР, председательствующий, признав, что «по делу имеются достаточные основания для постановления оправдательного приговора, ввиду того, что не установлено событие преступления либо не доказано участие подсудимого в совершении преступления», выносит постановление о роспуске коллегии присяжных заседателей и направлении дела на новое рассмотрение. Во всех остальных случаях, в том числе и при отмене обвинительного приговора, говорить о несправедливости вердикта по меньшей мере некорректно, поскольку кассационные основания связаны не с неверной оценкой присяжными доказательств, а с иными факторами (исследование недопустимых доказательств и т.д.).

Говорить о несправедливости *оправдательного* вердикта, на мой взгляд, вообще некорректно, т.к., во-первых, такой вердикт обязателен для председательствующего, а, во-вторых, его отмена также обусловлена кассационными основаниями, никак не связанными с неверной оценкой присяжными обстоятельств дела, а, напротив, с ошибками профессионалов.

Следует отметить, что попытки оценить справедливость решений присяжных, установить какие-либо статистические закономерности в этом вопросе неоднократно предпринимались в научной литературе. Так, например, в своем двухтомном труде «Судебные ошибки, посвящаемые присяжным заседателям», вышедшем в 1867 г., проф. П.Н.Ткачев приводит результаты исследования французского процессуалиста Буассоме, который утверждал, что «при таком устройстве суда присяжных, при котором приговоры составляются по простому большинству голосов, подсудимый имеет один шанс против пятнадцати быть невинно осужденным, — т.е. из 15 справедливых приговоров

¹³ Подробнее об этом см.: Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск. 1995. С. 61-110.

один, по крайней мере, будет несправедливым»¹⁴. Комментируя эти данные, проф. Ткачев, на наш взгляд, совершенно справедливо отмечает, что «за эти ошибки нельзя безусловно обвинять одних присяжных, — они впадают в них бессознательно, сами того не желая, — они творят зло неумышленно. Гораздо более их виноваты те, которые, имея возможность предостеречь их от заблуждений, не делают этого»¹⁵. В таком же духе высказывается в своем труде «Психология толп» известный социальный психолог Гюстав Лебон: «Во всяком случае, ошибки присяжных являются лишь последствием ошибок судей. Только эти последние и бывают виновны в чудовищных судебных ошибках...»¹⁶.

Конечно, помимо такого фактора, как участие в процессе юристов-профессионалов (председательствующего и сторон), безусловно, есть ряд иных факторов, которые, хотя и в меньшей степени, но также эффективно влияют на справедливость решения присяжных.

Среди таких факторов важное место занимают, например, цензы для кандидата в присяжные заседатели и правила формирования жюри присяжных.

Сегодня совершенно справедливо утверждалось, что на скамью присяжных должны попадать люди, которые обладают не только определенным житейским опытом, но и определенной моральной чистотой, добродетельностью. В этой связи интересно проанализировать систему цензов, устанавливаемых в различных странах к кандидату в присяжные заседатели. Так, например, по Кодексу уголовного следствия Франции 1808 г. присяжными не могли быть: «лица, не достигшие 30 лет, приговоренные за ... бродяжничество или нищенство; исполнительные чиновники, отрешенные от своих мест; несостоятельные лица (банкроты); домашние слуги и лица, состоящие в услужении на жаловании; те, кого нужда заставляет жить дневными трудами рук своих». Практически во всех странах, имеющих данную форму судопроизводства, к исполнению обязанностей присяжных не допускаются лица, не имеющие работы или постоянного места жительства.

Достаточно сопоставить эту систему цензов с положениями ст. 80 Закона «О судостроительстве РСФСР» от 8.07.81 г. в ред. Закона РФ от 03.07.92 г., чтобы убедиться, что требования, предъявляемые российским законодательством к кандидату в присяжные более чем лояльные и не исключают появления на скамье присяжных лиц, не соответствующих критерию добродетельности. Представляется, что цензы в определенной степени могут быть ужесточены, а основанием этого может послужить ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, позволяющая опреде-

¹⁴ Ткачев П.Н. Судебные ошибки (посвящаемые присяжным заседателям), составленные и переведенные под редакцией П.Н.Ткачева. Спб., 1867.— Т.1. С.2.

¹⁵ Ткачев П.Н. Указ. соч. С. 3.

¹⁶ Лебон Г. Психология толп. М., 1999. С. 231.

ленные ограничения прав и свобод человека и гражданина в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. В дальнейшем, по мере декриминализации общества, система цензов может быть смягчена.

Во-вторых, во всех формах суда присяжных процедуре отбора коллегии «судей факта» уделяется не менее важное значение, чем процедуре судебного следствия.

Известно, например, что в англо-американском процессе процедура отбора коллегии присяжных длится довольно долго, стороны имеют право задавать присяжным любые вопросы, они, по сути, допрашивают присяжных заседателей. И в результате такого тщательнейшего исследования формируется тот состав жюри, который в итоге способен объективно, справедливо разрешить дело. Наше действующее законодательство и практика, к сожалению, не придают такого значения процедуре отбора. Конечно, практику в этом плане можно понять, потому что судьи и стороны ограничены нормами закона. А закон заставляет выяснять далеко не все обстоятельства, касающиеся присяжных заседателей, поэтому иногда и возникают такие случаи, когда на скамью присяжных попадают не те лица, которые должны быть в суде присяжных.

Вместе с тем, я полагаю, что указанные выше факторы не столь существенно влияют на решение присяжных заседателей, как, например, ошибки (в т.ч. намеренные «ошибки») профессионалов.

Если говорить о справедливости суда присяжных в процедурном аспекте, то следует сделать вывод, что в настоящее время это *самая справедливая* форма судопроизводства. Обусловлено это более высоким уровнем реализации состязательных начал на всех этапах разбирательства дела с участием присяжных, независимым и беспристрастным положением профессионального судьи и т.д.

Если и можно критиковать в этом аспекте справедливость суда присяжных, то уж никак не на примере оправдательных вердиктов, поскольку действующий закон и его разъяснения Верховным Судом РФ, на наш взгляд, ограничивают в правах не государственного обвинителя, а именно подсудимого.

На практике подчас в этом плане возникают очень серьезные вопросы.

На одном из них я хочу остановиться отдельно. Он тоже был затронут в сегодняшнем обсуждении, а именно, вопрос относительно заявлений подсудимых о незаконных методах следствия.

С чем связана эта проблема и почему она возникла на практике?

Как известно, среди оснований оглашения в судебном заседании показаний подсудимого, данных им на следствии, закон указывает на отказ подсудимого от дачи показаний в суде и наличие существенных

противоречий между этими показаниями и показаниями, данными им на суде (п.п.1,2 ч.1 ст.281 УПК РСФСР). В России нет такого правила, как, скажем, в США, где отказ подсудимого от дачи показаний в суде исключает возможность оглашения каких-либо иных протоколов его допросов. Хорошо это или плохо — сказать трудно, но если правило об оглашении показаний имеется, и они оглашаются, то сразу возникает вопрос: *имеет ли подсудимый право* обосновать в присутствии присяжных достоверность своих показаний, данных в суде, указав на причины ложности (недостоверности) показаний, данных на предварительном следствии. Таких причин может быть много: искреннее заблуждение, болезненное состояние, страх, обещания допрашивающих лиц, угрозы и избиения с их стороны и т.д.

Здесь возникает *первый парадокс*: если подсудимый объясняет причину расхождения в показаниях искренним заблуждением, болезненным состоянием — это допустимо и никак не влияет на судьбу приговора. Если же он хотя бы мельком обмолвится в присутствии присяжных заседателей об угрозах, обещаниях, избиениях со стороны допрашивающих — это может повлечь отмену приговора.

Такие ситуации встречаются на практике весьма часто. В суде подсудимый вину свою отрицает, в то время как на следствии признавал. Естественно, по ходатайству прокурора оглашается протокол допроса обвиняемого на предварительном следствии, если эти показания не признаны недопустимым доказательством. А дальше возникает вопрос: может ли подсудимый объяснить присяжным причину противоречия в показаниях, если эта причина — незаконные действия допрашивающих? В такой ситуации перед судьей возникают два пути.

Некоторые просто запрещают упоминать о причинах этого несоответствия. К чему это приводит? С одной стороны, нарушается право подсудимого на защиту, так как он лишается возможности дать объяснения по важнейшему обстоятельству дела. Нередко и присяжные подают судьям записки с просьбой разъяснить причину противоречия, задать вопрос подсудимому: почему раньше он говорил одно, а сейчас, в суде, совсем другое? Но, с другой стороны, судья может и не ответить на эти письменные вопросы присяжных, по данным основаниям приговор отменен не будет, а на присяжных несомненное воздействие окажет публичное изобличение подсудимого во лжи.

Другие судьи поступают противоположным образом. Они полагают, что это относится не только к допустимости, но и к достоверности показаний, а потому позволяют как подсудимому делать подобные заявления, так и прокурору их опровергать. Но надо заметить, что такие действия судей пресекаются Кассационной палатой Верховного Суда Российской Федерации.

Передо мной лежит ряд Определений, иллюстрирующих эту позицию Кассационной палаты Верховного Суда РФ.

Если подсудимый в присутствии присяжных говорит, что ранее он давал показания под воздействием, скажем, избиений и угроз со стороны работников правоохранительных органов, в этом случае он утверждает не только о недопустимости методов ведения следствия и тем самым недопустимости полученных с их помощью показаний в связи с нарушением процессуальной формы порядка допроса, но прежде всего, речь идет о *недостоверности* его показаний. Он объясняет причину, по которой на следствии дал эти ложные показания. Представляется, что если судья запретит ему говорить об этом, тем самым он просто даст понять присяжным, что констатирует ложность показаний подсудимого в суде, то есть фактически он оценивает их как недостоверные («Какие же они достоверные, если ранее он говорил совсем другое?!»). Здесь *возникает второй парадокс*, так как оценка достоверности доказательств по закону должна входить и входит в компетенцию присяжных, а не председательствующего судьи.

Я полагаю, что складывающаяся в связи с подобными ситуациями практика ограничивает права защиты, и возникает *третья парадоксальная ситуация* — в суде присяжных, в суде, который обладает более эффективной состязательной процедурой, подсудимый поставлен в более жесткое положение, чем при разбирательстве дела в общем порядке.

В практике возникает, конечно, и ряд других вопросов. Думаю, о них расскажут коллеги.

Л.М.Карнозова: Сергей Александрович, Кассационная палата все равно ведь отменяет оправдательные приговоры по этому основанию. Вы нам теоретически очень красиво рассказали, что, когда показания, данные на предварительном следствии, признаются председательствующим допустимыми доказательствами, речь идет о достоверности, оценить которую должны присяжные. Но Кассационная палата приговоры отменяет и, по-видимому, в обозримое время отменять будет.

С.А.Насонов: Вот в данной ситуации и возникает совершенно абсурдная ситуация, когда можно давать какие-либо рекомендации, но совершенно очевидно, что Кассационная палата идет каким-то своим путем. И при любом решении председательствующего Верховный Суд будет придерживаться своей позиции. Но мне кажется, что решения Кассационной палаты по этому вопросу, так же, как и по ряду других, наверное, не останутся неизменными. Мне кажется, что если в подобных случаях защите в процессе удастся достаточно аргументированно изложить в своем ходатайстве, почему она настаивает на исследовании тех или иных заявлений подсудимого, или изложит это в своих возражениях, суд вполне сможет такое ходатайство удовлетворить, сославшись на то, что речь здесь идет не столько о допустимости, сколько о достоверности доказательств.

Реплика: Сегодня Верховный Суд однозначно говорит, что нельзя этого делать. Раньше же... мне не